

1896, змв

259
232

М. О. Меньшиковъ.

Р 2 98 ¹⁴/₁₉₈
Спб. 1899

КРИТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Томъ II.

Красивый цинизмъ. — Вожди народные. — Слово о
мужикахъ. — Три стиха. — Клевета обоженія. —
Прикрытый грѣхъ. — Прогрессъ и преданіе. — Кри-
тическое декадентство. — Перевалъ. — Нашествіе
фикарей. — Замѣтки о языкѣ. — Тринадцатый томъ. —
Покровительство музамъ. — Кончина вѣка. — Роль
читателя. — Литературныя характеристики.

—*—*—

Изданіе Спб. Т-ва Печатн. и Издат. дѣла „ТРУДЪ“.
С.-Петербургъ. Фонтанка, 86.

1902.

Прогрессъ и преданіе.¹⁾

(По поводу книги А. П. Чехова „Островъ Сахалинъ“).

Вы устранили заповѣдь Божию преданіемъ вашимъ. Мѣ. XV, 6.

I.

Какъ между двумя полюсами вращается сводъ небесный, такъ вся природа насквозь проникнута двойственностью явленій. Положительное и отрицательное начала, добро и зло, инерція и движеніе—во всѣхъ вещахъ и отношеніяхъ чувствуется борьба двухъ противоположностей, идея которой легла въ основу философскаго и религіознаго дуализма. Въ жизни общества, въ исторіи міросозерцаній эта, такъ сказать, двуполярность вещей выражается въ борьбѣ преданія съ творчествомъ или такъ называемымъ «прогрессомъ». Я не разъ касался существа этихъ двухъ теченій (См. «Двѣ правды» въ «Критич. очеркахъ», т. I), но жизнь даетъ неисчерпаемые поводы возвращаться къ нимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и преданіе, и прогрессъ—оба начала равножизненны и равнодостоинны въ своемъ источникѣ, иначе и не были-бы допущены разумомъ природы. Но оба начала могутъ терять свое назначеніе и изъ двигателей жизни становиться ея преградой. Съ одной стороны, что такое преданіе, какъ не

^{205.}
1) Впервые — „Книжки недели“, 1896, январь, с. 262—298 (безъ подзаголовка)

постепенно накапливаемый опыт бесчисленных поколений, как не собирательный, строго взвешенный и проверенный разум? Предание даетъ въ обладаніе потомства всю мудрость человѣческаго рода: какое благодѣяніе! Но это въ теоріи. На дѣлѣ-же очень часто преданіе передаетъ далеко не всю человѣческую мудрость, а лишь одну возобладавшую теорію, спорный опытъ немногихъ, далеко не самыхъ мудрыхъ поколений. Когда преданіе дѣлается священнымъ, обязательнымъ, непререкаемымъ,—оно превращается въ мертвое подражаніе, которое не только не способствуетъ накопленію опыта, но останавливаетъ его. Доходитъ до того, что все, несогласное съ преданіемъ, начинаетъ отвергаться, какъ нѣчто нечестивое; бесчисленные поколенія закрѣпошаются неподвижному міропониманію. Мало-по-малу утрачивается самый разумъ древняго преданія: люди не знаютъ и не хотятъ знать, что собственно въ ихъ вѣрѣ составляетъ истину. Слѣдствіемъ столь мертваго подражанія является жалкій упадокъ общества. Въ такія времена ученѣйшіе люди, какъ книжники и фарисеи времени Спасителя, не въ состояніи понять истиннаго смысла ими-же защищаемого древняго закона. Христу пришлось, раскрывая этотъ смыслъ, отмѣтить ложь и жестокость тогдашняго преданія (Мѣ. XV гл.). Святости послѣдняго онъ противопоставилъ иной, верховный авторитетъ—заповѣдь Божію. Онъ разъяснилъ, что преданіе жизненно и благотворно—когда въ немъ сохранено соотвѣтствіе съ божественнымъ закономъ. Разъ изъ преданія выпадаетъ это соотвѣтствіе и остается голый обрядъ, оно становится преградой истинѣ, отрицаніемъ живой вѣры.

Мнѣ кажется, той-же мѣрѣ Христова опредѣленія подлежитъ и такъ называемый прогрессъ. Если творчество новыхъ идей, новыхъ формъ жизни, новыхъ явленій не идетъ въ разрѣзъ съ заповѣдью Божіей, то это прогрессъ истинный: онъ есть новый вкладъ въ накапливаемую мудрость, во всемірный опытъ. Но если прогрессъ оказывается въ явномъ противорѣчій съ нравственнымъ за-

кономъ, его слѣдуетъ считать столь-же мертвымъ и ложнымъ, какъ одряхлѣвшее преданіе. Какъ было-бы хорошо, если-бы и хранители преданія, и двигатели прогресса, такъ называемые консерваторы и либералы усвоили себѣ этотъ высшій критерій. Какъ просто и легко разрѣшились-бы самыя тяжкія затрудненія тѣхъ и другихъ. Сколько зла исчезло-бы, вольнаго и невольнаго, являющагося единственно изъ забвенія третьей стороны—вѣчнаго начала жизни.

II.

То, что сегодня называется прогрессомъ, завтра становится преданіемъ, — если-бы это хорошо помнили, не было-бы столь распространенныхъ споровъ о томъ, что консервативно и что либерально. Почему мысль о необходимости просвѣщенія — либеральна, а мысль о неужествѣ — консервативна? Почему работать просвѣщеннымъ людямъ для подъема образованія, для развитія народной культуры, для народного здоровья—либерально, а ничего не дѣлать — консервативно? Почему варварское наказаніе взрослыхъ, признанное вреднымъ даже для школьниковъ, — консервативно, а уваженіе человѣческаго достоинства — либерально? Чувствуется, что эти понятія уже не покрываютъ тѣхъ главныхъ теченій, которыя борются теперь въ обществѣ. На Западѣ — откуда взяты эти понятія—они давно потеряли опредѣленный смыслъ, раздробившись на множество оттѣнковъ, изъ которыхъ каждый шире своего источника. Либерализмъ на Западѣ, на примѣръ, дотого уже старъ, что его первоначальныя требованія давно сдѣлались консервативными. Англійскіе *консерваторы* защищаютъ народную liberty столь-же упорно, а часто еще и упорнѣе, нежели радикалы. «Тори» всѣхъ европейскихъ странъ требуютъ народного просвѣщенія, правосудія, свободы личности, свободы общественной и т. п. Консервативные кабинеты

проводятъ реформы, направленныя ко благу рабочихъ классовъ, всеобщее избирательное право (какъ въ Германіи и въ Англіи) и пр., и пр. На Западѣ никому и въ голову не придетъ: консервативно-ли сѣчь гражданина, или нѣтъ,—всѣмъ партіямъ одна мысль объ этомъ представляется невѣроятно-гадкой. Къ свободѣ личности такъ всѣ привыкли и дотога считаютъ вещью необходимою, что никакой споръ о ней невозможенъ. Столь-же естественнымъ считается участіе гражданина во всѣхъ — не только ничтожныхъ, но и самыхъ высокихъ интересахъ роины, право заявлять свое добросовѣстное мнѣніе и желаніе. Всѣ эти «права» вошли въ преданіе, дотога давнее, что кажутся естественными правами, за которыя одинаково горячо вступаются всѣ партіи. Но и на Западѣ необходимо, чтобы извѣстное преданіе питалось дѣйствующимъ въ томъ же направленіи прогрессомъ, иначе оно вытѣсняется другимъ началомъ, часто противоположнымъ. Начала гуманности, казалось-бы, вошли такъ въ привычку, но достаточно было жестокости человѣческой облечься въ теорію, достаточно было появиться ученіямъ о борьбѣ за существованіе, о сверхъ-человѣчествѣ и т. п., какъ идея права кое-гдѣ начала уступать идеѣ насилія. Въ колониальныхъ войнахъ западные европейцы обнаружили невѣроятную свирѣпость—ясное доказательство, что преданіе добра, справедливости, человѣческой свободы еще довольно шатко въ самыхъ просвѣщенныхъ странахъ. У насъ въ Россіи, при нашей нравственной и культурной отсталости, эта шаткость новаго міросозерцанія особенно замѣчательна. У насъ все еще возможны даже печатные споры: позволительно бить крестьянина, или непозволительно? Нужно учить крестьянина или нѣтъ? Опасно предоставить земству заботиться о хозяйствѣ или нѣтъ? Мы все еще бродимъ въ нравственномъ страхѣ грубыхъ рабовладѣльцевъ, вчера только отпустившихъ рабовъ на волю и не могущихъ сообразить—какъ теперь обращаться съ ними. Вѣковыя преданія еще живы: даже просвѣщен-

нымъ людямъ все еще иногда кажется, что мужикъ не такой-же человѣкъ, какъ всѣ прочіе. Не посмѣть ударить или высѣчь мужика кажется либеральнымъ. Но уже въ отношеніи дворянина то-же самое кажется консервативнымъ. Самый ожесточенный ретроградъ, съ пафосомъ защищающій розгу какъ государственный институтъ, никогда не договаривался до того, чтобы распространить дѣйствіе этого института и на высшіе классы. Уже больше ста лѣтъ какъ само законодательство считаетъ тѣлесное наказаніе «позорнымъ», дотого невыносимо-позорнымъ, что даже преступники изъ дворянъ освобождены отъ него. Это признакъ наступающей смерти извѣстныхъ преданій и нѣкотораго прогресса. На этомъ «шкурномъ», такъ сказать, вопросѣ, на его всѣмъ извѣстной исторіи, хорошо прослѣдить невѣроятную живучесть иныхъ совершенно недостойныхъ преданій и безсиліе творчества справиться съ ними. Еще двѣсти лѣтъ тому назадъ сѣкли плетми первыхъ сановниковъ государства, именитыхъ бояръ и князей-рюриковичей, которыхъ палачи публично били по щекамъ, и сановники не считали это за большую бѣду, продолжали служить, получать чины и пр. Если-бы не открылось съ Петровой реформой «окно въ Европу» и не хлынула на насъ волна новыхъ понятій, нѣтъ сомнѣнія, эти наказанія продолжали бы у насъ существовать и до сего времени, какъ въ Бухарѣ или Афганистанѣ. Но уже Щербатовъ, историкъ Петра I, пишетъ, что «многіе изъ насъ, конечно, восхотятъ скорѣе смертную казнь претерпѣти, нежели жить послѣ палокъ и плетей, хотя-бы сіе наказаніе и священными руками и подъ очами Божія помазанника было учинено». Въ эпоху Щербатова «многіе» чувствовали невыносимость тѣлеснаго наказанія, но, очевидно, не всѣ. Князь Потемкинъ могъ еще, на примѣръ, въ 1790 г. бить по щекамъ князя Волконскаго (какъ рассказываетъ Ланжеронъ), и тотъ протестовалъ только тѣмъ, что цѣлую недѣлю не показывался Потемкину. Но тотъ-же Ланжеронъ пишетъ, что подоб-

ная расправа съ царедворцами въ 1824 г. была-бы уже невозможна. Съ тѣхъ поръ, какъ было объявлено, что «тѣлесное наказаніе да не коснется благороднаго», всѣ «благородные», считавшіе эту мѣру слишкомъ смѣлой, стали считать ее необходимой, и до такой степени, что отмена этой привилегіи Павломъ была одною изъ главныхъ причинъ мартовской катастрофы 1801 г. Съ тѣхъ поръ прогрессъ консервативныхъ мнѣній шагнулъ уже такъ далеко, что наши консерваторы не допускаютъ сѣченія даже не дворянъ, а и простыхъ чиновниковъ, купцовъ и другихъ разночинцевъ. Тотъ-же крестьянинъ, если платитъ гильдіи или разноситъ письма въ качествѣ почтальона, или поетъ на клиросѣ въ качествѣ дьячка, не подлежитъ сѣченію, и это мнѣніе считается консервативнымъ. Либерально еще пока думать, что и весь остальной народъ унижается сѣченіемъ... Замѣчательно, что земства и разныя ученыя общества ходатайствуютъ объ отменѣ сѣченія только для крестьянъ, *прошедшихъ сельскую школу*. Тѣ, которые не доучились нѣсколькихъ дней, чтобы получить свидѣтельство, или вовсе не учились (75% всей націи) все еще, по общему мнѣнію, могутъ подлежать позорному наказанію. Освободить *всѣхъ* отъ сѣченія даже многимъ передовымъ людямъ кажется слишкомъ смѣлымъ!..

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что очень скоро, можетъ быть на нашихъ глазахъ, исчезнетъ эта гадкая черта нашей жизни, свѣжій остатокъ рабства—и тогда всѣмъ, либераламъ и консерваторамъ, станетъ стыдно за розгу, какъ стыдно за крѣпостное право, кнутъ и пр.

III.

Какъ ни тяжелы наши внутреннія условія, но все-же консерватизмъ есть самый прогрессивный элементъ послѣдняго времени. Парадоксъ, вы скажете,—но припомните исторію этого полустолѣтія. Ничто не мѣнялось съ та-

кою быстротою, какъ консерватизмъ. Въ то время, какъ русскій либерализмъ не только не подвинулся впередъ, но во многомъ отступилъ, утративъ крайнея отгѣнки,— консерватизмъ подвергся замѣчательной эволюціи. Старыя, вѣковыя преданія, считавшіяся несокрушимыми, признаются недостойными консерватизма, и онъ беретъ подъ свою защиту «новыя», казавшіяся еще недавно либеральными, «вѣянія». Вѣдь всего пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ нашъ консерватизмъ защищалъ самое мрачное варварство, достойное африканскихъ дикарей. Вѣдь еще очень многіе старики помнятъ «торговую казнь». Прочтите, что пишетъ извѣстный судебный дѣятель, сенаторъ Д. А. Ровинскій о наказаніи сквозъ строй:

«Что сказать о шпицрутенахъ сквозъ тысячу, двѣнадцать разъ, безъ медика!... Надо видѣть однажды эту ужасную пытку, чтобы уже никогда не позабыть ея. Выстраивается тысяча бравыхъ русскихъ солдатъ въ двѣ шпалеры, лицомъ къ лицу; каждому дается въ руки хлыстъ — шпицрутень; живая «зеленая улица», только безъ листьевъ, весело движется и помахиваетъ въ воздухъ. Выводятъ преступника, обнаженного по поясъ и привязаннаго за руки къ двумъ ружейнымъ прикладамъ; впереди двое солдатъ, которые позволяютъ ему подвигаться впередъ только медленно, такъ чтобы каждый шпицрутень имѣлъ время оставить слѣдъ свой на «солдатской шкурѣ»; сзади вывозится на дровняхъ гробъ. Приговоръ прочтенъ; раздастся зловѣщая трескотня барабановъ; разъ, два... и пошла хлестать зеленая улица, справа и слѣва. Въ нѣсколько минутъ солдатское тѣло покрывается, сзади и спереди, широкими рубцами, краснѣетъ, багровѣетъ; летятъ кровяныя брызги... «Братцы, пощадите!...» прорывается сквозъ глухую трескотню барабана; но вѣдь падить значитъ самому быть пороту,—и еще усерднѣе хлещетъ «зеленая улица». Скоро спина и бока представляютъ одну сплошную рану, мѣстами кожа сваливается клочьями—и медленно двигается на прикла-

дахъ живой мертвецъ, обвѣшанный мясными лоскутьями. безумно выкативъ оловянные глаза свои... вотъ онъ свалился, а бить еще осталось много, — живой трупъ кладутъ на дровни и снова возятъ, взадъ и впередъ, промежъ шпалеръ, съ которыхъ сыплются удары шпицруте-новъ и рубятъ кровавую кашу. Смолкли стоны, слышно только какое-то шлепанье, точно кто по грязи палкой палитъ, да трещать зловѣщие барабаны...» (Ровинскій, «Русскія народныя картинки»). Сенаторъ А. Ѳ. Кони, изъ книги котораго («За послѣдніе годы») я беру эту цитату, считаетъ описанное наказаніе «замаскиро-ванной и вмѣстѣ съ тѣмъ квалифицированной смертной казнью».

Для подобнаго наказанія было достаточно, чтобы солдатъ (или арестантъ) нагрубилъ офицеру. Тогдашній консерватизмъ защищалъ подобное отношеніе чело-вѣка къ чело-вѣку, какъ самое разумное и достойное. Или припомните кнутъ, какъ государственное наше установ-леніе, существовавшее въ законахъ почти четырехста-лѣтъ. На этомъ еще столь недавнемъ установленіи ясно видно, какъ мы близки къ ужасамъ стараго пре-данія, какъ эти ужасы были живучи, какъ мало было разума въ нихъ, и какъ легко можно было обойтись безъ нихъ. «Каждый ударъ кнута пробивалъ кожу, — говорить одинъ историкъ кнута, — кровь лилась ручь-ями; кожа отставала кусками вмѣстѣ съ мясомъ». Чтобы усилить по возможности жестокость страданій, сѣченіе совершалось крайне медленно; въ эпоху Кото-шихина давали всего по 30—40 ударовъ въ часъ, а въ нынѣшнемъ, гуманномъ столѣтіи, въ эпоху Александра Благословеннаго, нашли это даже слишкомъ либераль-нымъ и давали (по свидѣтельству графа Мордвинова) всего по 20 ударовъ въ часъ, такъ что сѣченіе несчаст-наго длилось по двадцати и болѣе часовъ подрядъ! Надо замѣтить, что число ударовъ не опредѣлялось закономъ и было двухъ родовъ: простое, когда не имѣли въ виду

засѣчь до смерти, и «нешадное», понимавшееся именно въ послѣднемъ смыслѣ. Елизавета Петровна замѣнила простую смертную казнь—«нешаднымъ битьемъ», что являлось квалифицированной, болѣе утонченной казнью. И эта казнь полагалась не только за самыя тяжкія преступленія. По уложенію «тинчайшаго» государя и указами первыхъ императоровъ, кнутъ назначался, на примѣръ, за работу въ воскресные дни (1668 г.), за нищенство (1691 г.), за выбрасываніе на улицу навоза (1699 г.) и т. п. Жестокость кнута въ московское время была меньше, чѣмъ въ петербургскій періодъ: на примѣръ, 150 ударовъ полагалось (въ XVII в.), какъ *максимальное* число, и то лишь *для пытки*, послѣ же Петра I и даже въ нынѣшнемъ столѣтіи число ударовъ доходило до 400 и болѣе. По словамъ Щербатова, били «безъ счету»... Что это за казнь, теперь трудно и вообразить. По словамъ того-же Щербатова, почти всѣ наказанные кнутомъ умирали или во время наказанія, или вслѣдъ за нимъ.—«нѣкоторые изъ нихъ въ жесточайшемъ страданіи, нежели усѣченіе главы или висѣлицы или и самое пятереніе». («Пятереніе» — разорваніе лошадыми, «четвертованіе» — обрубленіе поочередно всѣхъ органовъ, «колесованіе»... «забиваніе горла расплавленной мѣдью»...—замѣтьте, сколько «государственныхъ институтовъ», когда-то защищавшихся современными имъ консерваторами). Самое милостивое примѣненіе кнута было тогда, когда палачъ съ первыхъ-же ударовъ убивалъ наказуемаго до смерти. Говарду одинъ палачъ сознался, что тремя ударами кнута онъ можетъ причинить смерть, проникнувъ до легкихъ. Якоби говорить (1818 г.), что палачъ съ первыхъ трехъ ударовъ перебивалъ позвоночникъ, и преступникъ умиралъ на мѣстѣ. Оставшихся въ живыхъ и оправившихся, вырвавъ у нихъ щипцами ноздри, клеймили и ссылали на каторгу. А чѣмъ была каторга даже въ недавнее время, даже въ 1890 году,—припомните страничку изъ онорскаго дѣла (см. кн. «Народные заступники»).

IV.

Любопытно, съ какими тяжелыми потугами старое предание разставалось съ кнутомъ. Екатерина II, другъ Вольтера и Монтескье, столько заботившаяся о своей репутации либеральной государыни, считала кнутъ (какъ и пинки) необходимостью. Знаменитый «Наказъ» начинается, какъ извѣстно, молитвою: «Да сотворю судъ людемъ твоимъ *по закону святому Твоему* судити въ правду». Первая статья «Наказа» гласитъ, что «Законъ христіанскій научаетъ насъ взаимно дѣлать другъ другу добро сколь возможно» и пр., и пр. Статья 6-я гласитъ, что «Россія есть европейская держава», чему приведены и доказательства. Но при всемъ этомъ кнутъ и плети считались наказаніемъ и христіанскимъ, и европейскимъ, и достойнымъ консерватизма. Александръ I, искренній гуманистъ, воспитанникъ Лагарпа, не могъ не возмутиться этимъ «институтомъ». Онъ возмущался, но все-таки не до такой степени, чтобы примѣнить въ этомъ случаѣ свою безграничную власть. Императора одолѣвали сомнѣнія. Онъ учредилъ особый комитетъ, чтобы «обсудить вопросъ» (хотя, казалось-бы, что-же тутъ обсуждать, и даже позволительно-ли христіанамъ обсуждать такіе «вопросы»!). Комитету объявлено было Высочайшее мнѣніе, что «наказаніе кнутомъ, *будущи безчеловѣчною жестокостію*, которой усиленіе зависить отъ произвола палача, слѣдовало-бы отмѣнить». Что-же тутъ обсуждать? Комитетъ согласился, что, дѣйствительно, кнутъ слѣдовало-бы отмѣнить. На этомъ дѣло и стало. Кроткій императоръ все колебался, отмѣнить пока одно вырѣзываніе ноздрей (страданіе совѣсмъ невинное въ сравненіи съ кнутомъ), а отмѣну кнута отложилъ до изданія ~~новаго~~ уголовнаго уложенія, «такъ-какъ опасались, что объявленіе объ этомъ въ видѣ отдѣльнаго указа возбудитъ въ народѣ мысль, будто и всякое уголовное наказаніе съ симъ вмѣстѣ отмѣняется».

Итакъ, хотя уже была признана «безчеловѣчная жестокость» закона и необходимость его отмѣны, онъ продолжалъ дѣйствовать, живымъ людямъ продолжали рвать мясо и перебивать позвоночные столбы «съ третьяго удара». Черезъ семь лѣтъ (1824 г.) преданіе опять-было пошатнулось: вопросъ о кнутѣ вновь разбирался въ государственномъ совѣтѣ, и вновь почти *единогласно* было принято уже предварительно одобренное государемъ уничтоженіе кнута. Вы думаете, что онъ былъ уничтоженъ? Нѣтъ! Преданіе снова взяло верхъ, и еще цѣлыхъ *двадцать одинъ* годъ продолжалась адская казнь, пока канцеляріи не удалось издать новое уложеніе о наказаніяхъ. Тяжело было разстаться консерватизму съ кнутомъ: онъ былъ замѣненъ плетью, наказаніемъ почти столь-же варварскимъ и мучительнымъ. Мрачное преданіе—какъ кошмаръ, отъ него трудно освободиться, но, какъ кошмаръ, оно, видимо, тяготитъ одержимаго имъ консерватора. Достоевскій былъ консерваторъ въ высочайшей степени, но уже 35 лѣтъ тому назадъ писалъ о тѣлесномъ наказаніи: «Есть люди, какъ тигры, жаждущіе лизнуть крови. Кто испытать разъ эту власть, это безграничное господство надъ тѣломъ, кровью и духомъ такого-же, какъ самъ, человѣка, такъ-же созданнаго брата, по закону Христову, кто испытать власть и полную возможность унижить самымъ высочайшимъ униженіемъ другое существо, носящее на себѣ образъ Божій, тотъ уже поневолѣ какъ-то дѣлается не властенъ въ своихъ ощущеніяхъ. Тиранство есть привычка; оно одарено развитіемъ, оно развивается, наконецъ, въ болѣзнь. Я стою на томъ, что самый лучшій человѣкъ можетъ огрубѣть и отупѣть отъ привычки до степени звѣря. Кровь и власть пьянятъ; развиваются загрубѣлость, развратъ; уму и чувству становятся доступны и, наконецъ, сладки самыя ненормальныя явленія. Человѣкъ и гражданинъ гибнуть въ тиранѣ навсегда, а возвратъ къ человѣческому достоинству, къ раскаянію, къ возрожденію становится для него уже почти невозможнымъ. Къ тому-же

примѣръ, возможность такого своеволія дѣйствуютъ и на все общество заразительно: такая власть соблазнительна. Общество, равнодушно смотрящее на такое явленіе, уже само заражено въ своемъ основаніи. Однимъ словомъ, *право тѣлеснаго наказанія, данное одному надъ другимъ, есть одна изъ язвъ общества, есть одно изъ самыхъ сильныхъ средствъ для уничтоженія въ немъ всякаго зародыша, всякой попытки гражданственности и полное основаніе къ непремѣнному и неотразимому его разложению* («Записки изъ Мертваго Дома»). Вотъ какимъ языкомъ выражались о плетяхъ и розгахъ нѣкоторые консерваторы еще 35 лѣтъ тому назадъ. Но не только розги, а даже и плети, къ сожалѣнію, все еще держатся въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ, хотя область ихъ примѣненія и сужена. А. П. Чеховъ пишетъ: «Изъ отчета завѣдующаго медицинскою частью видно, что въ 1889 году «для опредѣленія способности перенести тѣлесное наказаніе по приговорамъ судовъ было освидѣтельствовано 67 человекъ. Это наказаніе изъ всѣхъ, употребляемыхъ на Сахалинѣ, самое отвратительное по своей жестокости и обстановкѣ, и юристы Европейской Россіи, приговаривающіе бродягъ и рецидивистовъ къ плетямъ, давно бы отказались отъ этого наказанія, если-бы оно исполнялось въ ихъ присутствіи. Отъ позорнаго, оскорбляющаго чувство зрѣлища они, однако, ограждены 148 ст. Устава, по которому приговоры русскихъ и сибирскихъ судовъ приводятся въ исполненіе на мѣстѣ ссылки»... («О-въ Сахалинѣ», 462 стр.). Но что преданіе колеблется въ отношеніи и послѣдняго убѣжища плетей, доказываетъ то, что начальникъ Сахалина, генералъ Кононовичъ, по словамъ г. Чехова, — убѣжденный противникъ тѣлеснаго наказанія вообще. Нравы нашего образованнаго класса замѣтно смягчаются, и если все еще держатся мрачныя привычки и обычаи, то не столько въ нравахъ, сколько въ крайнемъ несовершенствѣ законодательной техники, въ устарѣлости уставовъ, которые, будучи

признаны никуда негодными, все еще дѣйствуютъ десятилетиями лѣтъ въ ожиданіи новыхъ уставовъ.

Я думаю, что только этою неодолимою рутиной канцелярской объясняется и сохраненіе до сихъ поръ розогъ въ деревенскомъ правосудіи. Сохраненіе розогъ противорѣчило самому принципу великой реформы 1861 года, оставшись какимъ-то грязнымъ пятномъ на законодательствѣ того времени. Идеей освобожденія было уничтоженіе рабства, т. е. возстановленіе каждаго крестьянина въ правахъ свободного гражданина. Гдѣ-же, въ какой христіанской странѣ, въ какомъ цивилизованномъ государствѣ граждане подвергаются сѣченію? Гдѣ законодательство освящаетъ этотъ позорный видъ насиія? Ясно, что въ сознаніи гуманнаго реформатора и его просвѣщенныхъ содѣйствующихъ варварское наказаніе было осуждено на исчезновеніе, но, какъ и въ исторіи кнута, дѣло положили пока подъ сукно, «впредь до измѣненія»—и уже четыре десятилѣтія розга хлещетъ по тѣлу свободныхъ гражданъ»—приводя въ смущеніе членовъ общества покровительства животнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, наши законы иногда такъ гуманны, что сажаютъ чуть не въ тюрьму за такое обращеніе съ собакой, какое практикуется «по закону» въ отношеніи людей...

V.

Хотя реакціонеры и утверждаютъ, что нынѣшнее движеніе въ обществѣ противъ тѣлесныхъ наказаній создано либералами съ цѣлью «разрушенія порядка», на самомъ дѣлѣ это движеніе совершенно консервативное. Его поддерживаютъ не только либералы, но и всѣ завѣдомые консерваторы, сколько-нибудь чтущіе человѣческое достоинство. Цѣлый рядъ земскихъ начальниковъ и предводителей дворянства высказался противъ розогъ. Органъ духовнаго вѣдомства, «Церковный Вѣстникъ», на-

зываетъ розги «варварствомъ», явленіемъ «наноснымъ», «несвойственнымъ національному духу», заимствованнымъ отъ татаръ и нѣмцевъ (шпицрутены).

«Неужели-же еще, говорить церковная газета,—не настала пора, чтобы освободить и многомилліонное, обладающее гражданскими правами крестьянство отъ того унижительнаго, позорящаго человѣческое достоинство наказанія, отъ котораго освобождены каторжники? Есть, правда, защитники розогъ, не стыдящіеся доказывать, что крестьянину безъ розогъ невозможно прожить. Но этотъ фактъ свидѣтельствуєтъ лишь, что не всѣ члены современнаго интеллигентнаго общества доросли до того нравственнаго уровня, на которомъ существованіе тѣлесныхъ наказаній признается противорѣчащимъ моральнымъ требованіямъ. Было время, когда солдатъ забивали палками, крестьянъ заставляли розгами, и общественное чувство не очень этимъ возмущалось; теперь на дѣло смотрятъ иначе, но отголоски старыхъ воззрѣній все-же продолжаютъ. И будутъ они продолжаться до тѣхъ поръ, пока церковь—поборница гуманности въ высшемъ и совершеннѣйшемъ значеніи этого слова—не научитъ уважать человѣческое достоинство каждаго изъ ближнихъ, независимо отъ того, бѣлой онъ кости или черной, а государство не воплотитъ этого убѣжденія въ ясный и опредѣленный законъ».

Видите, какимъ языкомъ говорятъ консерваторы, когда усвоили либеральное требованіе, какъ свое собственное. Нельзя назвать либеральнымъ вообще и военное вѣдомство, а вотъ его голосъ по данному вопросу, высказанный такимъ сомнительнымъ «либераломъ», какъ генералъ Драгомировъ (въ «Развѣдчикѣ»):

«Никто не сомнѣвается въ томъ, говоритъ генералъ, что въ ряду средствъ, которыя употребляются, чтобы заставить человѣка дѣлать лежащее на немъ дѣло, нѣтъ болѣе противнаго нравственной его природѣ, какъ тѣлесное наказаніе, и что это въ особенности относится къ военному чело-

вѣку, который на то и содержится государствомъ, чтобы бить, а не быть биту; а между тѣмъ, что было на первыхъ порахъ послѣ отмены тѣлеснаго наказанія? Повсемѣстный гвалтъ о неминуемомъ упадкѣ дисциплины, и гвалтъ объясняемый, хотя и не подтвердившійся: если я привыкъ орудовать однимъ средствомъ, то какъ-же мнѣ не бояться, пока не привыкну, орудовать другимъ? Вѣдь жизнь не ждетъ; дѣло, все равно нужно дѣлать. Былъ моментъ времени, когда всѣ унтеръ-офицеры (да и одни-ли унтеръ-офицеры?) очутились въ положеніи людей съ поднятыми, но недоумѣвающими кулаками».

Когда такіе устои консерватизма, какъ священники и генералы, начинаютъ совпадать съ либералами,—признакъ, что данный вопросъ уже «взвѣшенъ судьбой», и что мы накануне либеральнаго его рѣшенія. Но почему же «либеральнаго»? Оно уже сдѣлалось консервативнымъ, разъ за него стоятъ консерваторы: это уже не прогрессъ, а болѣе или менѣе укрѣпившееся преданіе, отстаивающее себя съ инерціей долговременнаго движенія.

Вы видите, какъ преданіе понемногу перерождается, облагораживается, гуманизируется. Какъ ни циниченъ бываетъ иногда «Гражданинъ» въ своихъ признаніяхъ, но и онъ оговаривается, что крѣпостное право въ его прежнихъ жестокихъ формахъ невозможно, невозможно прежняя безсудность, чиновничій произволъ и т. д., и т. д. Что касается чиновничьяго произвола, то именно консервативные органы ведутъ съ нимъ самую рѣзкую литературную борьбу. По многимъ частнымъ вопросамъ наши консерваторы высказываютъ очень громко и горячо тѣ самыя желанія, какія либералы могутъ выражать лишь робкимъ шепотомъ (причины не требуютъ объясненія). Вспомните славянофиловъ.

Перерожденіе старыхъ преданій не менѣе ощутительно и въ другомъ великомъ вопросѣ нынѣшняго царствования—въ вопросѣ народнаго образованія: Какъ ни либеральны были 60-ые и 70-ые годы, а ихъ и сравнить

нельзя съ прекраснымъ движеніемъ, охватывающимъ теперь всѣ наши общественные слои. Еще въ концѣ 80-хъ годовъ, въ самый «разгаръ реакціи», сдѣлались возможными такія явленія, какъ воскресныя школы, народно-издательскія фирмы, народныя чтенія, деревенскія библіотеки и т. п.—все вещи, казавшіяся отчаянно-либеральными въ 60-ые годы. Явились даже народныя газеты, издаваемые правительствомъ и губернской администраціей (какъ въ Саратовѣ). Конечно, эти газеты консервативны, но если вы читали «Сельскій Вѣстникъ» или неофициальную часть «Саратовскихъ Вѣдомостей», то согласитесь, что при всемъ ихъ консерватизмѣ эти изданія были-бы немыслимы въ 60-ые года. Въ этихъ изданіяхъ сотрудничаютъ сами-же крестьяне и подчасъ очень свободно критикуютъ такую власть, предержащую, какъ волостной старшина и писарь. Графъ Валуйевъ или Тимашевъ этого ни за что въ свѣтъ не допустили-бы, хотя были и не совсѣмъ чужды либерализму. Невозможны были-бы и запрещенные тогда, вмѣстѣ съ воскресными школами, общества трезвости, теперь усиленно поощряемые, народныя театры, аудитории и проч. Прогрессивное правительство въ 60-хъ годахъ предоставило земству заводить школы; теперешнее консервативное насаждаетъ ихъ и само, ассигнуя значительныя средства, побуждая духовенство къ заведенію школъ и т. д. Какое-бы значеніе это ни имѣло, все-же это доказываетъ, что въ *принципѣ* необходимость всеобщаго народнаго образованія рѣшена (чего нельзя сказать про эпоху 60-хъ годовъ). Ясно, что идея народнаго просвѣщенія становится достояніемъ консерватизма. Ту-же судьбу начинаетъ раздѣлять и вопросъ о культурной работѣ земства. Совершенно незамѣтно, однимъ лишь дѣйствіемъ времени и государственнаго опыта, весьма существенные пункты прогрессивной программы переходятъ въ консервативную программу, и нѣтъ сомнѣнія, что та-же участь постигнетъ и многіе другіе пункты.

VI.

Русскій консерватизмъ постепенно прибрѣтаетъ то-же содержаніе, что и консерватизмъ западныхъ высоко-культурныхъ странъ, а тамъ онъ давно уже гуманенъ, преданъ просвѣщенію и даже свободолюбивъ—«въ предѣлахъ конституціи» каждой страны. Хорошо-ли это, или худо? Не поглощаетъ ли консерватизмъ прогрессивную партію, постепенно усваивая ея программу? Поглощаетъ—и это, я думаю, хорошо. Нашъ русскій либерализмъ оттого такъ безсиленъ и хрупокъ, что онъ недостаточно консервативенъ: его гуманныя начала для него самого еще слишкомъ новы, непривычны, чужды. Нестойкость, ежеминутное безотчетное отступленіе отъ своихъ принциповъ—вотъ больное мѣсто нашего слишкомъ юнаго прогресса. Вотъ когда эти принципы обратятся въ традицію и ихъ захочется *охранять* (conserver),—тогда и начнетъ ихъ настоящая, практическая жизнь. И я думаю, великая задача нашего времени—сдѣлать обыденнымъ то, что казалось прежде необыкновеннымъ, показать всѣмъ простоту, удобство и прелесть тѣхъ нравственныхъ началъ, которыя казались «завиральными идеями». Разъ преданіе несомнѣнно поддается этому историческому процессу и волей-неволей перерождается въ нѣчто разумное и гуманное,—необходимо всѣми мѣрами облегчать этотъ процессъ. Лучшій путь для этого—нравственное воспитаніе массъ, общественныхъ и народныхъ, неуклонное введеніе въ практическую жизнь началъ порядка и правды, хотя-бы крошечными частицами, но лишь-бы это дѣлалось непрерывно. Живая практика добра есть самое торжественное опроверженіе злыхъ преданій. Величайшую услугу оказываетъ примѣръ. Несомнѣнно у насъ и до сихъ поръ свирѣпствовали-бы кнутъ и плети, если-бы примѣръ ненужности ихъ не показала намъ западная Европа. Русскіе консерваторы, цар-

дворцы и дворяне; начавъ воспитываться и жить европейской жизнью, не могли не видѣть, что тамъ живутъ такіе-же люди, какъ и мы, съ тѣми-же сердца, нервами и кровью,—и однакожь, обходятся безъ кнута, безъ рванья ноздрей, безъ розогъ и т. п. И государства не рушатся, и порядокъ стоитъ завидный. Наоборотъ: всматриваясь въ этотъ порядокъ, русскіе консерваторы не могли не замѣтить, что онъ вызывается именно отсутствіемъ жестокостей и высокимъ подъемомъ достоинства человѣческаго, его благородствомъ. Рабъ, съ отнятою волей, униженный, забитый, подчиняется законамъ только изъ чувства страха и всѣ усилія напрягаетъ на то лишь, чтобы уйти отъ закона, обойти его, а при возможности—нарушить его. Вся энергія рабскаго народа—какъ у насъ до реформы—была устремлена на партизанскую войну съ закономъ, и война эта была даже справедлива: законъ, утверждавшій рабство или, наприкладъ, перебитіе позвоночнаго столба кнутомъ — похожъ на дѣйствительнаго врага народу. И эта война тянулась бы безконечно, нанося самыя страшныя пораженія обѣимъ сторонамъ. Чѣмъ лютѣе законъ, тѣмъ простительнѣе нарушение его; многіе законы у насъ складывались такъ, что выполнение ихъ являлось дѣломъ явно безнравственнымъ. Наши честные, умные консерваторы не могли этого не замѣтить. Сличая русскую жизнь съ жизнью другихъ, христіанскихъ народовъ, они видѣли, что возможенъ совсѣмъ иной порядокъ вещей. Не въ теоріи только, а въ самой осязательной практикѣ они видѣли въ Европѣ нѣчто у насъ неслыханное—*уваженіе* къ закону. Какъ? При возможности обойти законъ—его не обходятъ? Не бѣгутъ отъ него? Не продаютъ его и не покупаютъ? Это было явленіемъ почти чудеснымъ для русскаго глаза въ старину. И тотчасъ-же для наблюдавшаго консерватора было ясно, что уважаютъ законъ только потому, что его есть за что уважать, что это не страшилище, не источникъ насилия, а источникъ справедливости, какъ-бы воплощенная совѣсть. Въ законѣ западный человѣкъ находитъ

ограждение своей свободы и защиту именно отъ тѣхъ давленій, которыя нашъ законъ самъ налагалъ. И государства тамъ не рушились, анархія не наступала.

VII.

Нашъ совѣстливый консерваторъ до-реформъ, попавъ въ Европу, не могъ не чувствовать, что если ужъ гдѣ замѣтна анархія, то скорѣе къ востоку отъ Вислы. Именно гуманный-то, нравственный законъ, безъ кнутовъ, четвертованья и пятеренья, безъ дранья розгами бородатыхъ, часто сѣдыхъ старцевъ — именно этотъ законъ всеобщей терпимости христіанской, законъ братства ведетъ къ упорядоченію жизни, къ облагороженію нравовъ, къ уваженію справедливыхъ законовъ «не токмо за страхъ, а и за совѣсть». По рутинному русскому взгляду, если надъ душой чело-вѣка не стоитъ начальство съ палкой, то эта душа тотчасъ теряетъ способность къ правильнымъ поступкамъ и непременно предпочтетъ имъ злодѣйство. Но живой опытъ европейской жизни опровергаетъ это. Тамъ гражданинъ предоставленъ самому себѣ, и начальство является къ нему лишь на помощь въ случаѣ покушеній ближнихъ. Оказалось, что эти покушенія не болѣе, а скорѣе менѣе многочисленны, чѣмъ у насъ, и что граждане упорно не пользуются предоставленной свободой для совершения «злодѣйствъ». Всѣмъ хочется мира, тишины, любви, взаимности, и въ интересахъ каждаго поддерживать добрыя отношенія. Если случаются мелкія наслія, то они — *мелкія* наслія въ сравненіи съ безконечнымъ массовымъ насліемъ жестокаго закона, — и, сверхъ того, эти мелкія неправды несравненно удобнѣе гасятся бодрствующимъ, уважаемымъ всѣми закономъ, нежели ненавидимымъ. Русскій консерваторъ замѣчалъ, что чѣмъ выше поставлено въ государствѣ достоинство гражданина, тѣмъ кипучѣе отдѣльныя энергіи, тѣмъ отважнѣе культурная предпримчивость, тѣмъ сильнѣе взаимопомощь:

освобожденный и гордый, допущенный къ живому участию въ великихъ рѣшеніяхъ своей родины гражданинъ является дѣятельною, стойкою единицей живой и могучей массы. Совѣтъ не то консерваторъ замѣчалъ у себя дома, гдѣ и человѣкъ, и масса были обезличены до потери всякой воли, кромѣ чисто растительной, гдѣ въ оцѣпѣннѣи вѣкового какого-то испуга все замерло и щарахалось изъ стороны въ сторону, какъ овцы въ отарѣ, подъ взмахомъ палки. До крымской войны было по крайней мѣрѣ одно оправданіе всеобщему гнету: Россія должна быть непобѣдимой. Ради національнаго тщеславія, ради нечистаго сознанія, что мы всѣхъ поколотимъ, мы исколачивали самихъ себя, безъ всякаго нашествія иноплеменнаго, испытывая погромъ и страхъ и униженіе. Но крымская война доказала, что даже и для тщеславія внутренній гнетъ никуда не годится. Съ огромною, на бумагѣ миллионною арміею и превосходнымъ черноморскимъ флотомъ мы не могли, по выраженію Ив. Аксакова, «сбросить даже нѣсколько десятковъ тысячъ англичанъ и французовъ съ своего берега» и послѣ безчисленныхъ жертвъ народныхъ принуждены были запросить мира... Давно-ли былъ этотъ позоръ? Всего сорокъ лѣтъ тому назадъ, и урокъ этотъ не лишенъ значенія и до сихъ поръ. Совѣстливый консерваторъ не могъ не видѣть, что европейскій либерализмъ не только не ослабляетъ государственныхъ силъ, но усиливаетъ ихъ, и одною своею стороною — просвѣщеніемъ — создаетъ могущества неисчислимыя. Сравнивая рядъ «консервативныхъ» государствъ — Китай, Турцію, Персію съ рядомъ «прогрессивныхъ» — Англіей, Франціей, Германіей, С. Штатами и пр., самый закоренѣлый консерваторъ — если онъ былъ не маньякъ — соглашался, что прогрессивныя начала въ международной жизни — великое преимущество. Еще ни одно государство не погибло отъ «либеральныхъ» началъ (классическій примѣръ — Польша — погибла отъ крайней народной забитости), — тогда какъ неподвижный консерватизмъ приводилъ къ краю

гибели чуть-ли не всѣ государства. Всмотритесь въ судьбу Китая или издыхающей Турціи — эти имперіи занимаютъ самые счастливые отъ природы края, въ тепломъ климатѣ, среди южныхъ морей; обѣ обладаютъ необъятными пространствами, и даже самыя расы, населяющія ихъ, отличаются многими высокими качествами. И внѣшніе враги были непричемъ: сами эти имперіи наводили трепетъ на всѣ народы. Никто ихъ не завоевывалъ (манчжуры въ Китаѣ быстро окитаились и не имѣли ни малѣйшаго вліянія на общую судьбу Китая). Чѣмъ-же объяснить ихъ поразительный государственный упадокъ, этотъ старческій маразмъ еще живыхъ народностей? Ничѣмъ инымъ, какъ только полною остановкою преданія, потерю его способности совершенствоваться и усваивать начала нравственныя. И Китай, и Турція были когда-то въ періодѣ прогрессирующаго консерватизма, и тогда они были могучи и крѣпки (Китай — въ VIII вѣкѣ, династія Танъ, Турція — въ эпоху Османа). Религіозное и культурное одушевленіе, вознесшее эти народы на ихъ политическую высоту, было возможно лишь при способности идти впередъ, увлекаться лучшимъ, перенимать его отъ сосѣдей.

VIII.

Избытокъ силъ обыкновенно губить и людей, и народы. Государственная сила, развивавшаяся въ періодъ завоевательный, обращаясь *внутрь*, останавливаетъ духовный ростъ народа и сосредоточивается постепенно въ видѣ тираніи, внутренняго самозавоеванія, ярмо котораго не легче внѣшняго. Государство, явившееся въ началѣ скопленіемъ народной энергии, становится расточителемъ ея: какъ скупецъ обкрадываетъ самого себя, морить голодомъ, чтобы отложить копѣйку съ цѣлью никогда ею не воспользоваться, такъ и остановившійся духъ народный: отдавая себя всецѣло одной идеѣ, будто-бы единой истинной,

онъ бѣднѣетъ во всѣхъ остальныхъ. Создается Талмудъ или Исламъ, великій плѣнъ души народной въ созданной ею-же самой твердынѣ. Вмѣсто кипучаго творчества, роскошнаго расцвѣта мысли съ ея безконечнымъ разнообразіемъ, наступаетъ мертвая рутина, схоластика, общая нѣмота. Государство, превращенное въ верховнаго идола, заслоняетъ Бога и дѣлаетъ народъ идолоподобнымъ, мертвымъ. Происходитъ съ огромнымъ и даровитымъ племенемъ то-же самое, что съ отдѣльнымъ человекомъ, подавленнымъ одной какой-нибудь страсти, даже хорошей: превратившись въ манію, она дѣлается порокомъ. А въ Исламѣ или Талмудѣ идолизируется даже не хорошая, а злая страсть—тщеславіе народное, грѣхъ не менѣе грубый, чѣмъ и личное тщеславіе. Народъ-идолопоклонникъ, народъ-духоотступникъ поражается страшной казнью: таланты, которые онъ, рабъ лукавый, закопалъ въ землю, отнимаются отъ него, высокія способности къ творчеству государственному и культурному—за неупотребленіемъ ихъ—отмираютъ. Въ народѣ развивается крайнее обезличеніе, рабское подобоострастіе предъ всякой силой, потеря уваженія и даже чутія къ справедливости, потеря способности достигать совершенства и отстаивать его. Какъ въ гніющемъ организмѣ,—клеточки тѣла теряютъ живое сцѣпленіе, расползаются при ничтожномъ толчокѣ: вспомните Китай во время послѣднихъ войнъ или Турцію съ ея возстаніемъ христіанъ. Это—внѣшніе признаки гніенія; еще тяжелѣе внутренніе, въ самомъ характерѣ, въ самомъ сердцѣ народномъ... Никакое внѣшнее нашествіе, ни одинъ погромъ варваровъ не наносятъ народу такого глубокаго растлѣнія, какой влечетъ за собою постепенно развившаяся внутренняя тиранія—продуктъ *остановившагося* преданія.

Но если консерватизмъ долженъ постоянно идти впередъ и прогрессировать въ своемъ содержаніи, то что же остается на долю либерализма? И въ чемъ отличіе одного отъ другого?

Я думаю, что если отстранить *не искренних* и *не сознательных* людей обѣихъ партій, то между искренними ихъ представителями то-же различіе, какое между теоретиками и практиками. Я либераль, пока хорошее у меня еще въ мысли, въ теоріи, но когда я воплотилъ его въ дѣйствіе, въ порядокъ жизни — я консерваторъ, я уже охраняю это хорошее. Вотъ и все различіе. — Но охраняютъ и не только хорошее, возразятъ мнѣ. Къ сожалѣнію, да,—и не только хорошее мыслятъ. И либералы, и консерваторы могутъ заблуждаться, считая за хорошее нѣчто очень дурное. Но тѣмъ и другимъ данъ путь для избѣжанія ошибокъ. Данъ человѣку разумъ, и даже нѣчто больше, чѣмъ обыкновенный разумъ: дано *откровение* истиннаго закона жизни, сознаніе благороднѣйшаго разума, ~~подслушавшаго~~ законъ этотъ въ самомъ сердцѣ міра. Нѣтъ иного критерія ни для консерваторовъ, ни для либераловъ, нѣтъ иной цѣли, какъ достигать уже указанную цѣль—конечно, если мы не лицемерно убѣждены въ ея истинности и величій. — Но если не убѣждены? Но тогда въ чемъ-же, господа, мы убѣждены? Гдѣ-же цѣль, гдѣ путь, гдѣ смыслъ — не только консерватизма и либерализма—но и всего нашего страннаго существованія?

Нравственный законъ, «заповѣдь Божія» покрываетъ все. Въ этого крайне шатки всякіе иные «законы» человеческихъ отношеній: правовые, общественные, государственные, международные, историческіе, соціальные и пр., и пр. Политика должна быть въ существѣ своемъ этикой—или нельзя ее искренно уважать; васъ могутъ заставить подчиняться ей, нанося вамъ страданіе, отравляя жизнь вашу, но въ душѣ своей, передъ престоломъ Вѣчности, вы протестуете противъ такой политики! Вы чувствуете, что она—грѣхъ и смерть. Политика и либераловъ, и консерваторовъ должна быть осуществленіемъ единаго нравственнаго закона, одинаково обязательнаго для людей—живутъ-ли они единицами, обществами, го-

сударствами или всѣмъ человѣчествомъ. Нашъ законъ не Тора, не Коранъ, — гдѣ, можетъ быть, представляютъ насилие, вражду, рабство. Наше Откровеніе есть «законъ совершенный, законъ свободы» (Іак. 1: 25), одинаково благой для всѣхъ человѣческихъ сочетаній, какими-бы именами они ни прикрывались. Самый высокій прогрессъ есть усвоеніе нравственнаго закона, самый благородный консерватизмъ — осуществленіе его. Святая мысль — основа святой жизни, и достигать этой святости можетъ только *идущій* консерватизмъ: *останавливающийся*, оглядывающійся на покинутое уже зло, окаменѣваетъ, подобно женѣ Лота.

Повторяю, какъ бы ни было мрачно подчасъ дѣйствіе преданій мертвыхъ, все же есть утѣшеніе, что консерватизмъ нашъ не вполнѣ отжилъ, какъ на Востокѣ, что онъ прогрессируетъ, что хоть крайне медленно, но имъ усваиваются начала свободы и уваженія къ человѣку. Сознаніе наше, очевидно, совершенствуется и растетъ, хотя и далеко не съ тою живостью, какъ на Западѣ. Вѣянія Востока заморили насъ — но все-же не до конца. Уничтоженіе розги, я увѣренъ, тотчасъ и благотворно подниметъ душу русскаго человѣка. Розга клеймила его какъ азіата, теперь онъ почувствуетъ себя немножко въ Европѣ, въ христіанствѣ, въ цивилизації. Отмѣна розги напомнитъ о множествѣ насилій болѣе тонкихъ, которыми опутанъ народъ нашъ и отъ которыхъ не-свободно и общество, — дойдетъ чередъ и до нихъ, если всѣ мы, искренніе либералы и консерваторы, не остановимся въ восточной лѣни, не успокоимся. Необходима энергическая работа и теоретиковъ, и практиковъ добра, чтобы движеніе консерватизма *ускорить*: наше поколѣніе хочетъ жить, и жизни такъ мало, и такъ обидно сойти въ могилу, не видавъ въ жизни правды Божіей, вѣчной, всегда бывшей и будущей, только не существовавшей среди насъ. Помните стихи Пушкина:

Увижу-ль я, друзья, народъ освобожденный
и пр.

Поколѣнію Пушкина и Лермонтова такъ и не пришлось дожидаться «прекрасной зари», которую они призывали на отечество. Какая обида для лучшихъ людей Россіи, для тѣхъ, которые составляютъ ея гордость доселѣ! Наше живое поколѣніе имѣетъ своихъ лучшихъ людей, которые тоже ждутъ зари—и старѣютъ, и умираютъ не дождавшись. Это тяжелоѣ страданіе, ничѣмъ не искупимое. Но и не лучшіе люди—если страдаютъ менѣе отъ гнета мертвыхъ преданій—то лишь потому, что не знаютъ иного счастья... А это счастье всегда «такъ возможно, такъ близко»...

IX.

Прогрессъ есть не отверженіе преданій, а облагороженіе ихъ. Отречься отъ преданій вообще значило-бы отказаться отъ великаго наслѣдства цивилизации, скопленнаго всей прошлой вѣчностью. Все, чѣмъ мы живемъ и что мы мыслимъ, лишь въ миллионной долѣ есть наше личное, «благопріобрѣтенное достояніе», да и эта безконечно малая доля стала возможною лишь благодаря родовому опыту. Отъ преданій вообще нельзя отречься: они, въ видѣ наслѣдственныхъ влеченій, составляютъ самую ткань души нашей. Но наслѣдуются, къ сожалѣнію, не только богатства, но и долги предковъ, не только откровения разума, но и его ошибки. Очень большая часть преданій безспорна и представляетъ, такъ-сказать, неотчуждаемый никакимъ прогрессомъ маіоратъ духа. Обширнѣйшая область преданій утверждена безконечною правдою до степени не только очевидной истины, но даже инстинкта; такъ мы, чувствуя голодъ, принимаемъ пищу даже безъ мысли о цѣлесообразности этого дѣйствія. Мы инстинктивно сокращаемъ различныя мышцы при ходьбѣ, не обдумывая каждый разъ степень сокращенія той или другой, и пр.—но всѣ подобныя машинальные акты требовали не только обученія мышцамъ въ нашемъ дѣтствѣ, но

и врожденной подготовки ихъ въ теченіе тысячелѣтій. Но даже въ области физической жизни преданіе не всегда есть истина. Склонность къ сумасшествію, къ хроническимъ болѣзнямъ и порокамъ—все это вѣдь, тоже *преданія*, глубокія и мрачныя традиціи тѣла, хотя, конечно, ни одинъ консерваторъ не станетъ отстаивать ихъ неприкосновенность. Приобрѣсть хоть немножко новаго, небывалаго здоровья лучше, чѣмъ сохранить всѣ фамиліныя болѣзни. Но и внѣ болѣзней, въ области здоровой наслѣдственности прогрессъ далеко не невозможенъ. Вполнѣ здоровый и сильный современнѣйшій человѣкъ имѣетъ отдѣльные органы и ткани далекими отъ того совершенства, какое представляютъ себѣ биологи. Самое острое зрѣніе человѣка уступаетъ зрѣнію орла, самое острое обоняніе—обонянію собаки, самый острый слухъ—слуху кошки и т. п. Въмѣсто костистаго скелета человѣку было-бы гораздо выгоднѣе имѣть роговой, болѣе упругій, и клѣточки человѣческаго тѣла во многомъ могутъ позаимствовать жизненную энергію инфузорій. У человѣка говорятъ, самый совершенный мозгъ, однако не у всѣхъ онъ достигаетъ высокаго развитія, и ни у кого онъ не развитъ всесторонне. Человѣкъ съ идеальнымъ мозгомъ долженъ былъ-бы обладать совокупными геніями Сократа, Ньютона, Гете, Бетховена, Рафаэля, Архимеда, Фидія и пр. кончая, на примѣръ, геніемъ шахматиста Ласкера который—въ своей особой, не столь серьезной области—тоже показываетъ, до чего можетъ прогрессировать человѣческій мозгъ. Если отъ одной точки провести рядъ радіусовъ, изображающихъ различныя направленія ума, и отложить на нихъ достигнутые геніями успѣхи (въ единицахъ среднихъ человѣческихъ способностей), получится схема будущей, гигантской души, передъ которою теперешняя теряется въ ничтожности. А еще неизвѣстно, представляютъ-ли геніи Сократа, Ньютона, Рафаэля и т. п. послѣдній предѣлъ могущества духа: быть можетъ, съ вѣковымъ подъемомъ средняго уровня человечества будетъ

подниматься и верхний уровень, какъ это замѣчается въ искусственныхъ культурахъ растений и животныхъ. Такимъ образомъ возможный прогрессъ не законченъ для человѣчества ни въ области физической, ни въ духовной. Легко понять, что особенно нуждается въ прогрессѣ самая новая и не установившаяся сфера жизни — психическая. Здѣсь — какъ въ верхнемъ этажѣ еще строящагося дома — особенно много сырого, грубаго, неприспособленнаго, ненужнаго; планъ постройки загроможденъ матеріаломъ и мусоромъ, который непременно долженъ быть убранъ. Нижніе, уже отдѣланные этажи могутъ оставаться неприкосновенными (хотя и здѣсь постоянный ремонтъ — условіе свѣжести и крѣпости зданія), — наверху же, гдѣ еще не выведены своды, не прорѣзаны окна, — всякая остановка пагубна, отдаляя возможность правильной, благоустроенной жизни. Такой недоконченный этажъ представляетъ собою міросозерцаніе теперешняго человѣчества, область политическихъ и социальныхъ знаній. Всѣ философы, пробующіе систематизировать рядъ наукъ, не даромъ помѣщаютъ социологию и этику въ концѣ ихъ. Собственно *планъ* недостроеннаго этажа угаданъ быть не разъ, и даже были гениальныя попытки начертать его въ видѣ руководства для безконечно-мнущихся сонмищъ человѣческихъ, строящихъ свою исторію едва-ли съ большею ясностью сознанія, чѣмъ полипы, строящіе материки на днѣ океана. Планы или идеалы жизни бывали разгаданы, но вѣдрить ихъ въ среднее пониманіе — дѣло величайшей трудности. Поэтому среднее сознаніе до сихъ поръ загромождено массою ложныхъ, грубыхъ, злыхъ представлений, или совсѣмъ не нужныхъ для идеальнаго порядка жизни, или противорѣчащихъ ему. Сколько ходячихъ «истинъ», идей господствующихъ, но которыя ничуть не выше сумасшедшаго бреда: дотого онѣ не связаны съ дѣйствительностью и призрачны. Всѣ эти ходячія истины составляютъ мертвое преданіе, и какъ все мертвое, они отличаются замѣча-

тельной стойкостью. Ихъ—великое множество въ исторіи, соціологіи, политикѣ, этикѣ, и когда какое-нибудь поколѣніе освобождается отъ одного изъ нихъ, то не можетъ надивиться: какимъ образомъ люди завѣдомо не сумасшедшіе, не идиоты, не дѣти, не дикари могли вѣрить въ подобное безуміе и даже защищать его всѣми силами разума. Это одна изъ горькихъ загадокъ человѣческой личности.

Х.

Какимъ образомъ люди вродѣ Державина, Жуковскаго, Карамзина, Гоголя защищали крѣпостное право, кнутъ и плети? Какъ помириться, что эти избранные люди и рядъ другихъ, имъ подобныхъ, терпѣли современный имъ терроръ въ нашихъ обычаяхъ и не возставали противъ него? На этой загадкѣ видно могущество преданія, вообще непобѣдимое, побѣждаемое только преданіемъ-же, лишь другого рода. Для самаго маленькаго прогресса необходимо, чтобы противъ одного преданія выступило достаточно сильное иное, болѣе разумное. Всѣ преданія, и мрачныя, и свѣтлыя, накапливаются во времени и борются между собою. Несчастные вѣка нашей исторіи—XV, XVI и XVII—дали рядъ тяжелыхъ и темныхъ началъ, которыя заглушили древнія, здоровыя преданія. Послѣднія почти заглохли, но въ два слѣдующіе вѣка изъ Европы нахлынули новыя, благодатныя волны идей, родственныхъ по духу нашему древнему міросозерцанію, и заглохшіе корни ожили. Крѣпостное право, кнутъ и многое другое исчезло только потому, что втеченіе цѣлаго столѣтія, въ рядѣ поколѣній, читавшихъ европейскія книги и наблюдавшихъ жизнь Европы, возродилось древнее, неистребленное до конца преданіе о свободѣ и достоинствѣ человѣка вообще и о правѣ народа на уваженіе государства. Не удивляйтесь, если дѣти ярыхъ крѣпостниковъ (Тургеневъ, Некрасовъ и т. п.) являлись торячими проповѣдниками свободы. По духу эти люди были дѣтьми не своихъ

отцовъ, а болѣе имъ родственныхъ гѣнiевъ европейской мысли. Ярые крѣпостники передавали старый завѣтъ, но западные гуманисты передавали новый, болѣе высокій, и это было новое, побѣдоносное преданіе. Далеко не всѣмъ былъ принятъ этотъ добрый даръ: до сихъ поръ еще въ огромной части русскаго общества держатся крѣпостническія привычки, которыми и объясняются многочисленныя, прикровенныя формы рабства, тяготящаго надъ жизнью. Хотя несомнѣнно, что современный консерватизмъ гуманизируется, что новое преданіе входитъ въ нравы,—но какъ это ни радостно, нельзя быть увѣреннымъ въ окончательномъ торжествѣ правды. Ничто не предопредѣлено, и побѣда остается всегда за дѣйствующимъ. Не говоря о нашей странѣ, гдѣ добрыя начала такъ новы и непрочны,—даже въ Европѣ, даже въ колыбели европейской свободы—Англiи—возможенъ поворотъ къ самымъ варварскимъ временамъ ея исторiи, до каннибальства включительно.

Обыкновенно говорятъ, что возвращеніе къ крѣпостному праву немыслимо, что разъ дарована нѣкоторая свобода, то... и пр. Но, серьезно говоря, почему-же поворотъ къ рабству немыслимъ? Почему невозможенъ кнутъ, плети? Да, даже кнутъ и плети, «въ наше время, когда» и пр.—они все еще возможны,—дотого, что кое-гдѣ все еще не вывелись до сихъ поръ.

Народу, конечно, ни кнутъ, ни плети не понравились бы теперь, но я смѣю думать, что все это и прежде—народу не нравилось. Что касается интеллигенціи, то послушайте, что говоритъ А. П. Чеховъ о русской интеллигенціи въ одномъ уединенномъ уголкѣ,—на о-вѣ Сахалинѣ. Рѣчь идетъ о Сахалинѣ послѣ реформы 1884 года, когда на островѣ введено было новое положеніе, вызвавшее усиленный приливъ чиновниковъ изъ Европейской Россiи. «На Сахалинѣ, говоритъ г. Чеховъ, мы имѣемъ уже три уѣздныхъ города, въ которыхъ живутъ чиновники и офицеры съ семьями». Общество «разнообразно и интелли-

гентно» и, по мнѣнію г. Чехова, «во всѣхъ отношеніяхъ выдерживаетъ сравненіе съ нашими уѣздными обществами, а въ районѣ восточнаго побережья оно считается самымъ живымъ и интереснымъ». Но... «и теперь, говоритъ г. Чеховъ, встрѣчаются чиновники, которымъ ничего не стоитъ размахнуться и ударить кулакомъ по лицу ссыльнаго, даже привилегированнаго, или приказать человѣку, который не снялъ второпяхъ шапки: «Пойди къ смотрителю и скажи, чтобы онъ далъ тебѣ тридцать розогъ»... «Въ новой исторіи Сахалина играютъ замѣтную роль представители позднѣйшей формации, смѣсь Держиморды и Яго,—господа, которые въ обращеніи съ низшими не признаютъ ничего, кромѣ кулаковъ, розогъ и извозчикьей брани, а высшихъ умиляютъ своею интеллигентностью и даже либерализмомъ» («О-въ Сахалинъ», стр. 439—440).

XI.

Съ какимъ «упоеніемъ» предаются сахалинскіе либералы сѣченію несчастныхъ арестантовъ, показываетъ подсчетъ, сдѣланный г. Чеховымъ: въ 1889 году въ Александровскомъ округѣ было высѣчено 265 и наказано другими мѣрами 17,—значить, изъ 100 случаевъ въ 94 администрація прибѣгаетъ къ розгамъ». Поводомъ къ тому, чтобы дать человѣку 30 или 100 розогъ, служить обыкновенно всякая провинность — неисполненіе дневного урока, пьянство, грубость, непослушаніе. Если не исполнили дневного урока 20—30 рабочихъ, то сѣкутъ всѣхъ 20—30. Одинъ чиновникъ говорилъ г. Чехову, что когда онъ былъ назначенъ въ первый разъ и обходилъ тюрьму, то ему было подано до 50 прошеній. Онъ объявилъ просителямъ, что тѣхъ, прошенія которыхъ ~~окажутся не заслуживающими~~ вниманія, онъ будетъ сѣчь. «Только два прошенія оказались уважительными, я велѣлъ высѣчь 48 человѣкъ. Затѣмъ въ другой разъ 25, потомъ все меньше и меньше, и теперь уже просьбъ мнѣ не подають. Я отучилъ ихъ». «У одного

каторжнаго нашли дневникъ, который былъ принятъ за черновья корреспонденци, ему дали 50 розогъ и 15 дней продержали въ темномъ карцерѣ на хлѣбѣ и водѣ. Смотритель поселеній, съ вѣдома окружнаго начальника, подвергъ тѣлесному наказанію почти всю Лютогу... не исключая даже беременной женщины, праваго и виноватаго, безъ всякаго разсмотрѣнія дѣла, состоявшаго въ простой дракѣ между ссыльно-поселенцами». Наказаніе розгами ~~было~~ *слишкомъ частаго употребленія* въ высшей степени опозлилось на Сахалинѣ, говоритъ г. Чеховъ. Вы подумаете, что «упоеніе розгами» принадлежитъ старымъ, малообразованнымъ служакамъ? Совсе нѣтъ. Вотъ что рассказываетъ г. Чеховъ объ одномъ видѣнномъ имъ случаѣ наказания плетями въ Дуэ (плети—почти то-же, что старинный кнутъ). «Ввели Прохорова. Докторъ, молодой нѣмецъ (замѣтьте!) приказалъ ему раздѣться и выслушалъ сердце для того, чтобы опредѣлить, *сколько* ударовъ можетъ вынести этотъ арестантъ. Докторъ рѣшаетъ этотъ вопросъ въ одну минуту и затѣмъ съ дѣловымъ видомъ садится писать актъ осмотра.—Ахъ, бѣдный!—говоритъ онъ жалобнымъ тономъ съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, мокрая перо въ чернильницу.

— Тебѣ, небось, тяжело въ кандалахъ? А ты попроси вотъ господина смотрителя, онъ велитъ снять.

Прохоровъ молчитъ; губы у него блѣдны и дрожатъ.

— Тебя, вѣдь, понапрасну,—не унимается докторъ.—Всѣ вы понапрасну. Въ Россіи такіе подозрительные люди! Ахъ, бѣдный, бѣдный!..»

Замѣтьте, какое злобенькое, ехидное издѣвательство надъ жертвой—со стороны кого-же? Доктора, молодого человѣка съ высшимъ образованіемъ!..

«...Идемъ всѣ въ помѣщеніе для надзирателей, продолжаетъ г. Чеховъ.—Военный фельдшеръ, стоящій у входа, проситъ умоляющимъ голосомъ, точно милостыни: «Ваше в—іе, позвольте посмотрѣть, какъ наказываютъ!»

Тяжело описывать самую картину казни. «У Про-

хорова волосы прилипли ко лбу, шея надулась; уже послѣ 5—10 ударовъ тѣло, покрытое рубцами отъ прежнихъ плетей, побагровѣло, посинѣло; кожа лопается на немъ отъ каждаго удара... Вотъ уже какое-то странное вытягиваніе шеи, звуки рвоты, Прохоровъ не произноситъ ни одного слова, а только мычитъ и хрипитъ... Зубы стучатъ, лицо желтое, мокрое, глаза блуждаютъ... Когда ему даютъ капель, онъ судорожно кусаетъ стаканъ» и пр. «—Люблю смотрѣть, какъ ихъ наказываютъ! говоритъ радостно военный фельдшеръ, очень довольный, что насытился отвратительнымъ зрѣлищемъ.—Люблю! Это такіе негодяи, мерзавцы... Вѣшать ихъ!»

Замѣьте, какое ожесточеніе у молодого фельдшера. «Исключеніе не составляютъ даже образованные люди, замѣчаетъ г. Чеховъ.—По крайней мѣрѣ я не замѣчалъ, чтобы чиновники съ университетскимъ образованіемъ относились къ экзекуціямъ иначе, чѣмъ военные фельдшера или кончившіе курсъ въ юнкерскихъ училищахъ и духовныхъ семинаріяхъ. Иные такъ грубѣютъ, что начинаютъ даже находить удовольствіе въ драньѣ». Г. Чеховъ приводитъ ужасающіе примѣры безчеловѣчія, примѣры пытокъ. Одну 11-лѣтнюю дѣвочку, дочь убійцы, сѣкли, подвѣсивъ на воздухъ, розгами и плетями, и когда она попросила пить, ей подали соленого омуля. Плетей дано было-бы и больше, еслибы самъ палачъ не отказался продолжать бить» и пр.

Такъ вотъ какіе нравы въ интеллигентномъ уголкѣ, среди лицъ, наѣхавшихъ изъ Россіи, кончившихъ высшіе и средніе курсы въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, среди общества, гдѣ ставятся домашніе спектакли, выписываются журналы... Въ этомъ обществѣ встрѣчаются, конечно, и исключенія, но они рѣдки («Мнѣ приходилось встрѣчать», говоритъ г. Чеховъ).

Я привелъ эту длинную справку изъ наблюдений г. Чехова, какъ документъ, убѣдительно доказывающій всю еще страшную силу жестокости нашихъ преданій—всюду,

гдѣ эта жестокость допущена закономъ. Въдь даже въ Европейской Россіи, не на каторгѣ, а среди полноправныхъ гражданъ,—стоило дать нѣкоторымъ начальникамъ въ деревнѣ нѣсколько больше власти, чѣмъ нужно, какъ тотчасъ-же выдвинулся многочисленный рядъ мордобійцъ, и между ними были люди молодые, избранные, съ высшимъ образованіемъ, какъ, напримѣръ, знаменитый «кандидатъ правъ» г. Протопоповъ...

ХІІ.

Все это я говорю къ тому, чтобы предостеречь гуманныхъ людей, радующихся прогрессу консерватизма, отъ излишнихъ иллюзій. Консерватизмъ движется, но лишь пока его двигаютъ — и для этого необходимы величайшія усилія всѣхъ честныхъ людей, непрестанныя усилія. Всѣ бывшіе ужасы въ исторіи снова, какъ тучи, могутъ подняться надъ горизонтомъ. Возможны снова палачи, висѣлицы (не исчезнувшія вовсе и до сихъ поръ), костры инквизиціи, казни Ивана Грознаго, ужасы крѣпостного права и римскаго рабства. Правда, все это возможно не сейчасъ,—но пройдутъ пять, шесть столѣтій, нагрянутъ какія-нибудь катастрофы—вродѣ всемірной войны или борьбы европейскаго Запада съ монгольскимъ Востокомъ, нагрянетъ социальная кровавая борьба, исходъ которой загадоченъ, или физическое вырожденіе расъ, или психическое вырожденіе ихъ, случавшееся не разъ въ исторіи,—произойдетъ одно или цѣлый рядъ подобныхъ всемірныхъ несчастій, и помраченное сознание впадетъ снова въ старыя ошибки, эти ошибки снова постепенно слѣлаются привычкой, потребностью, необходимостью, вѣрой, страстью, какъ снѣжный комъ, увеличиваясь и укрѣпляясь и давъ собою теперешнія гуманныя преданія. Что бываютъ «реакціи» въ жизни народовъ, это извѣстно всѣмъ: средняго человѣческаго вѣка достаточно, чтобы пережить не одну реакцію. Столѣтіе, напримѣръ, старики въ

Россіи могутъ еще помнить «дней Александровыхъ прекрасное начало», потомъ реакцію двадцатыхъ годовъ, потомъ нѣкоторыя вѣянія тридцатыхъ и начала сороковыхъ и новую реакцію конца сороковыхъ и начала пятидесятыхъ, затѣмъ либеральную эпоху начала 60-хъ годовъ и реакцію послѣдующихъ, затѣмъ снова либеральное оживленіе въ концѣ семидесятыхъ и новую реакцію. Но подобно тому, какъ кромѣ суточныхъ колебаній земнаго магнетизма существуютъ годовыя и вѣковыя, въ настроеніи народовъ возможны (и, можетъ быть, до извѣстной степени необходимы) долговременныя отклоненія отъ извѣстнаго міросозерцанія въ иное, противоположное. Какъ ни возвышенны начала правды, любви, свободы,—или даже именно потому, что они такъ возвышенны,—они могутъ рухнуть, замѣниться прежнимъ варварствомъ, прежнимъ безуміемъ. Вѣдь все возвышенное, близкое къ идеалу, отличается тонкостью строенія и потому—хрупко. Часто-ли и надолго-ли отдѣльнымъ людямъ удается подняться до умственнаго и нравственнаго совершенства? Не легче это и для цѣлаго народа. Завистливые демоны какъ-будто стерегутъ всякій успѣхъ и стремятся разстроить его паденіемъ. Въ жизни человѣчества разсыяны безчисленныя возможности какъ счастья, такъ и гибели, и часто шансы послѣдней вдругъ соединяются и становятся неодолимыми.

Возможенъ психическій упадокъ, вызванный удаленіемъ культурнаго человѣка отъ природы, вѣчной кормилицы души его,—переутомленіемъ въ силу крайней сложности культурнаго быта, пресыщеніемъ отъ избытка впечатлѣній, развращенностью и изнеможеніемъ духа среди обезбоженнаго хаоса. «Можно, говоритъ Ренанъ, предвидѣть упадокъ цивилизаціи вслѣдствіе истощенія запасовъ каменнаго угля и всеобщаго распространенія эгоистическихъ идей... Иногда я представляю себѣ землю въ будущемъ въ видѣ планеты идіотовъ, грѣющихся на солнцѣ въ пошлой праздности существъ, для которыхъ единствен-

ная цѣль—имѣть необходимое для матеріальной жизни». Мишле провидитъ въ будущемъ эпоху, когда «la vulgarité prévaut». Великую опасность для цивилизации Летурно видитъ въ развитіи роли денегъ, въ постепенномъ, такъ сказать, «ожидовленіи» современнаго общества. Причины возможнаго упадка человѣчества, какъ и упадка отдѣльной личности, разнообразны. Для меня, по крайней мѣрѣ безусловно очевидна возможность остановки прогресса и возвращенія къ дикости. Поэтому безусловно необходимо бодрствовать на стражѣ достигнутыхъ успѣховъ, вѣчно трепеща за нихъ. Малѣйшая оплошность—и великій даръ, завѣщанный предками и умноженный вами цѣною страшныхъ усилий, можетъ быть потерянь.

Создавать благородныя преданія и охранять ихъ—самый высокій долгъ всѣхъ совѣстливыхъ людей. Великія преданія, дѣйствительно, есть лучшее, и въ сущности—единственное народное сокровище, его вѣчная святыня, животворящая, чудотворная. Какъ счастливы поколѣнія, получившія въ наслѣдство великую культуру, строй чистыхъ, безупречныхъ вѣрованій! Невидимый, огромный, священный храмъ, тысячелѣтнее зданіе души народной, на фундаментѣ древнемъ, какъ міръ. Но чтобы преданія были *храмомъ* всенароднымъ, необходимо, чтобы въ нихъ чувствовалось присутствіе Божіе — иначе какая хотите огромная, многоцѣнная, изящная постройка представляетъ простой сарай, годный для склада чего угодно, но не для молитвы. Совокупность преданій есть какъ-бы гимнъ Богу, отъ прадедовъ, дѣдовъ, отцовъ перешедшій ко внукамъ, гимнъ, въ который должна впагаться вся поэзія прошлаго, вся мысль настоящаго, всѣ мечты о будущемъ. Великое преданіе должно быть *нравственнымъ*—иначе оно безбожно, иначе оно не жизнь, а гной души, ея наслѣдственная проказа. Но много-ли на свѣтѣ *святынь* преданій подлежить консерватизму? То, что выдаютъ за святое, не бываетъ-ли иногда мерзостью? Потому мерзостью, что оно не согласно ни съ откровеніемъ евангель-

скимъ, ни съ опытомъ общечеловѣческой жизни, ни съ непосредственнымъ чувствомъ всякаго свѣжаго человѣка, не опутаннаго паутиною суевѣрій. Очистите преданія, дайте возможность уважать ихъ—и тогда отладимтесь консерватизму.

Охранять преданія — не значить держать ихъ въ неизмѣнномъ видѣ. Это грубая ошибка вульгарнаго консерватизма. Охранять преданія — значить, оберегать ихъ свободное движеніе, свойственное всему живому. Движеніе необходимо, иначе неподвижная истина дѣлается мертвой, не связанной съ дѣйствительностью. Такая истина — есть уже ложь, призракъ отсутствующаго факта. Напримѣръ, если остановиться на той истинѣ, что не нужно тѣлесныхъ насилій между гражданами и не идти дальше этого, то розги, дѣйствительно, не будутъ, но всѣ безчисленныя насилія, кромѣ розги, будутъ дѣйствовать. Будетъ нѣкоторое отрицательное добро (т. е. что *не* будутъ сѣчь), добра же положительнаго, состоящаго въ непрерывномъ преодолѣніи зла, не будетъ. Поэтому консерватизмъ долженъ прогрессировать, чтобы быть живымъ и животворнымъ. На крутыхъ горныхъ подъемахъ подъ заднія колеса подкладываютъ клинья, чтобы экипажъ не свалился. Экипажъ исторіи, подвигаемый тяжелыми усиліями всѣхъ честныхъ людей, требуетъ консервативныхъ клиньевъ. Но всякій шагъ нравственнаго прогресса консерваторы должны закрѣплять въ видѣ нравственнаго преданія — не какъ максимумъ, а какъ *минимумъ* достижимаго. По странной и жалкой ошибкѣ, вмѣсто того, чтобы подкладывать клинья *позади* прогресса, консерваторы подкладываютъ ихъ часто *спереди*, мѣшая естественному, живому ходу вещей и стараясь даже не только остановить, но обратить движеніе вспять—въ темную пропасть исторіи, изъ которой человечество едва начало выбираться съ невыразимыми усиліями и страданіями...